
Благословенно МВИЗРУ ПВО

КНИГА ВОСЬМАЯ

Владимир Броудо

**Благословенно
МВИЗРУ ПВО. Книга восьмая**

«Издательские решения»

Броудо В. Б.

Благословенно МВИЗРУ ПВО. Книга восьмая / В. Б. Броудо —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965240-9

В сборники «Благословенно МВИЗРУ ПВО» вошли художественные произведения выпускников и преподавателей Минского высшего инженерного зенитного ракетного училища ПВО страны разных лет. В восьмом сборнике Рыжик Анатолий Игоревич представляет свою повесть «Жизнь в зелёном мундире. Командир зенитно-ракетного дивизиона», а Марьян Казимирович Гриневецкий — рассказ «Есть что вспомнить».

ISBN 978-5-44-965240-9

© Броудо В. Б.
© Издательские решения

Содержание

Рыжик Анатолий Игоревич	6
Жизнь в зелёном мундире	7
Командир зенитно-ракетного дивизиона	8
Предисловие	10
Глава первая	13
Часть 1	14
Навалилось...	14
Убийство	17
Последствия ЧП	20
Капитан	23
Часть 2	26
Третий корпус ПВО	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Благословенно МВИЗРУ ПВО

Книга восьмая

Редактор Владимир Борисович Броудо

ISBN 978-5-4496-5240-9 (т. 8)

ISBN 978-5-4496-1702-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Рыжик Анатолий Игоревич
(вып. МВИЗРУ ПВО 1971 г.)**

Рыжик Анатолий Игоревич

Жизнь в зелёном мундире
(Продолжение. Начало в Сборниках «Благословенно МВИЗРУ ПВО», книги пятая, шестая и седьмая 2019 г)

Командир зенитно-ракетного дивизиона

**Седьмой
Гвардейский**

Отцу,
моему
маяку по жизни -
посвящается

Предисловие

Жизнь категория временная, имеющая начало и конец. В моём понимании: жизнь – это путь.

Путь у всех разный. Свой путь.

Двигаясь по одному пути, мы порой движемся в разных направлениях....

Идя в одном направлении, мы можем двигаться по разным дорогам...

Один начиная свой путь, идёт по бездорожью, по такому, что иногда приходится и ползти.

Но он упрямо идёт вперёд.

Упорно, не боясь сложностей.

Дорога по бездорожью – борьба.

С ямами, ухабами и грязью.

Для чего? Очевидно, чтобы выжить, показать, что можешь, что ты не хуже.

Тут не заснешь! Можешь обогнать таких же барахтающихся в грязи, как и ты. А если ты силён, если повезёт – можешь даже догнать того, кто с рождения осуществляет движение по ровной дороге.

Главное не суетиться, выдержать и не завязнуть.

Глядишь и видишь – дорога улучшается, становится твёрдой, исчезает грязь...

Другой с рождения плавно перемещается по прекрасной дороге жизни, совершенно не предполагая, что есть другие – плохие пути. Он уверен – это не для него.

Иногда происходит неожиданное падение в яму, причём в такую глубокую, что сложно выбраться.

А он не готов, не знает, как, не выдерживает...

И всё же ровная дорога хороша: летишь пулей, никого не замечаешь. Вперед и побыстрее....

А куда? К чему? А что дальше?

Промчался к концу пути и ... ВСЁ.

Жизнь – это дорога, имеющая начало и конец.

А что ты видел кроме гонки, которая размазывала вокруг тебя видимость и мироощущения?

Как ты себя чувствовал, когда обгонял, забрызгивал грязью отстающих?

Можно ехать поспокойнее, ровно и монотонно держа скорость.

Возникает опасность заснуть и не заметить кювет. Или проснешься и ахнешь – уже конец пути. Приехал...

Некоторых устраивает путь в колее.

Очевидно, это самый простой, спокойный и незаметный способ перемещения по жизни – куда выведет. «Чужая – эта колея...»

Видна спина (иногда и ниже) впереди идущего.

Зато, обернувшись можно увидеть завистливые выражения лиц, следующих за тобой.

Тебе путь определён именно в этом порядке, на этом месте. Не вырваться вперёд, не обогнать.

Но ведь и тебя никто не обгонит! Вроде бы хорошо.

Спокойно, надёжно и размеренно-определено: куда все – туда и я.

Бег на месте, одним словом.

Не интересно.

Конечно, путь редко у кого получается одинаковым на всём его протяжении – монотонным и однообразным.

А если так выпало, «повезло», то и по нему можно идти по-разному. Интересно идти.

Обычно путь – это дорога по жизни с чередой меняющихся стремлений и желаний достичь каких-то целей. Идут по пути с разной жизненной энергией, разным состоянием здоровья.

Здоровье надо не беречь – его надо рационально использовать.

Силы нельзя тратить на ерунду. Береги их.

Главное – чтобы хватило сил!

Однажды я поехал с генералом Янушкевичем на охоту. Втроём: он, я и солдат – водитель нового, только что полученного УАЗика.

По дороге застряли в грязи так, что полуоси скрылись, а машина почти легла набок.

Хоть и новая машина – но бездорожье...

Водитель боролся с «засасыванием» машины в грязь как мог: откапывал колёса, а жижа опять нещадно засасывала их, подкладывал в колею доски и тряпки, но они исчезали в бездонной грязи.

Взмокший и отчаявшийся солдат доложил генералу – выехать невозможно.

Тогда тот сам сел за руль.

Дал команду открыть двери с противоположной завязшей стороны машины и повиснуть нам на них.

Несколько рывков – и ...машина выехала!

Вот так и в жизни: один бьётся как рыба об лёд, а другой, умудрённый опытом, мгновенно решает трудную задачу. Один в начале пути – многого не знает, другой опытный, но уже в конце, ослаб.

Учись!

Какой путь лучше?

Конечно, тот, по которому идёшь ты.

В этом будь уверен – иначе, зачем ты его выбрал?

Если он не хорош и тебя не устраивает, не тяни, смени его, а то далеко зайдёшь. Не туда.

Но если ты даже убежден, что находишься на верном пути, то всё же посмотри, как идут другие.

Сравни и подумай. Всё познаётся в сравнении.

И ещё. Не забывай – ты не один. С тобой любимые люди, те, за кого ты ответственен.

С тобой те, кто дал тебе жизнь, знания, навыки. Кто переживает и любит тебя, даже если ты не прав.

За тобой идут как в связке те – кто дал тебе жизнь и кому ты дал жизнь, те, кто верит в тебя как ни в кого другого.

Сделай для них все, что только возможно, для того чтобы их путь был легким и это, пожалуй, лучшее, что ты сможешь сделать.

Не подведи, не предай. Иначе сам предан, а то и проклят будешь...

С тобой друзья. Цени дружбу больше чем сиюминутную цель, даже если эта цель быть первым.

На меня произвел впечатление случай, который произошёл в Сиэтле несколько лет назад на Олимпиаде инвалидов.

Забег на сто метров. На старте девять спортсменов – они все инвалиды: или физические или ментальные.

Прозвучал выстрел и начался забег. Не все бежали, но все хотели принять участие и конечно победить.

Они уже пробежали треть дистанции, когда бегущий мальчик споткнулся и, перевернувшись несколько раз, упал заплакав.

Остальные восемь участников услышали его плачь. Они замедлили бег и оглянулись. Они остановились и вернулись обратно.... Все!

Девочка с синдромом Дауна присела рядом с ним, обняла его и спросила: «Теперь тебе лучше?».

Потом все вдесятером, пошли плечом к плечу к финишной линии
Стадион долго аплодировал стоя...

Мы не настолько больны, чтобы чувствовать чужую боль, но мы достаточно здоровы, чтобы понять и то, что нашу боль никто не примет как свою.

Жизнь – это путь. Твой путь – тебе и выбирать.

Глава первая

Часть 1

*До пословицы смысла скрытого
Только с опытом доживаешь;
Двух небитых дают за битого,
Ибо битого – хрен поймаешь...*

Навалилось...

Наступило «череповецкое» лето.

В любом виде – лето есть лето, тем более оно было не таким уж плохим. Так говорят...

Увы, я не видел – мне было не до него.

В конце мая командир дивизиона убыл в Калининскую (ныне Тверь) академию ПВО, поступать на командный факультет.

Я принял должность и был назначен приказом командира бригады, временно исполняющим обязанности командира седьмого зенитно-ракетного дивизиона 79-й гвардейской бригады.

Поставили исполнять должность меня, хотя начальник штаба был выше по должности и имел звание «майор».

Он был суетливым, безграмотным по специальной подготовке и прибыл в дивизион «дослуживать» до пенсии. Толку от него было мало, и командир перед своим убытием в академию отпустил его в отпуск.

Это было неверным решением – офицеров не хватало, но майор Музыкин – начальник штаба сумел уговорить командира.

Шёл пятый год моего пребывания в войсках.

Лето 1976 года.

Дивизион претерпевал сильнейшие кадровые изменения, да такие, что всвязи с переводами к новому месту службы в подразделении осталось пять офицеров и один прапорщик! Это при штатной численности в 19 офицеров и 15 прапорщиков (сверхсрочников).

Несмотря на это, комиссия, приехавшая из бригады проверять готовность дивизиона к несению боевого дежурства, допустила нас к выполнению боевой задачи (очевидно не видели другого решения проблемы).

Об этом я доложил заместителю командира бригады о том, что у меня не хватает номеров боевого расчёта, и мы не в состоянии нести дежурство.

Тот в свою очередь доложил о таком положении с численностью дивизиона командиру бригады.

Выход командование нашло такой – отдать приказом в состав боевого расчёта офицеров соседнего дивизиона. Тех, кто только что сменился с дежурства. Они обязаны были приехать теперь в мой дивизион и, находясь в командировке – продолжать нести дежурную службу.

В указанный срок никто из соседнего дивизиона на дежурство не приехал.

Я обратился опять к замкомбрига. Тот мне сказал, что никто и не приедет: приказ составлен «для прокурора» – если что случится. Люди везде измотаны. Я со своим расчётом обязан «как-то справиться».

«Как-то» означало только одно – не делать смену дежурных сил!

Это недопустимо по физическим данным человека – непрерывное дежурство, поэтому я усилил расчёт ещё одним номером – планшетистом, и разрешил офицеру ночью спать на командном пункте зрдн.

Планшетист дублировал, находясь в другой боевой кабине, дежурного телефониста, и обязан был при поступлении на КП боевых сигналов докладывать офицеру – начальнику дежурной смены сокращённого боевого расчёта. Получилось двойное резервирование. Эта система заработала, но у меня были ещё одни проблемы – трудности и с нехваткой солдат.

Поздней осенью 1975 года закончилось строительство сооружения «Панцирь», которое предназначалось для хранения спецракет ПВО.

Ранней весной «Панцирь» был «обвалован» землёй и подключен к специально выстроенной котельной.

Сооружение покрасили, подготовили документацию и оборудование. Всё это делалось силами солдат дивизиона, которых и без этого не хватало для решения всех стоящих перед подразделением задач.

Такое строительство в армии прозвали «хозспособом» подразумевая, что объект стоит в «свободное от службы время». Как будто такое есть.

Так строили *казармы, навесы, свинарники* ... так мы строили и ... *сооружение* «Панцирь», в котором должны были разместиться три специальные зенитно-управляемые ракеты ПВО.

Раз должны были разместиться, то и разместились.

Снаряжение и загрузку в хранилище произвели в мае 1976 года, и это опять свалилось дополнительными серьёзными задачами на мою «бедную голову»!

Как только построили сооружение «Панцирь» и загрузили его ракетами, то сразу в дивизионе появился новый пост – особой важности.

Была дана команда ставить на этот пост «самых лучших» солдат, а их даже плохих не хватало.

Откуда им взяться – штат никто не увеличивал.

Сам пост – сооружение «Панцирь» оградил три ряда колючей проволоки, а начальник штаба бригады подполковник Столяров «сочинил» «Табель поста» и «Особые обязанности часового по охране специального сооружения».

Эти обязанности Столяров должен был разработать со своим штабом исходя из важности объекта, но в соответствии с уставом.

Документацию разработали и начали в соответствии с ней нести службу.

Сразу возникли вопросы по разработанным подполковником Столяровым обязанностям часового, а особенно по положению о применении оружия.

Его разрешалось применять при подходе нарушителя ближе трёх метров к рядам колючего ограждения.

Без предупреждения! То есть без окрика и предупредительного выстрела.

Вроде есть смысл – нечего ходить, где не следует.

Но в дивизионе угольный склад котельной спецсооружения находился в десяти метрах от внешнего ряда колючей проволоки.

Я боялся, что ночью кочегар пойдёт «не в ту сторону» и часовой его застрелит.

Перенести склад в другое место по технологии отопления сооружения «Панцирь» не представлялось возможным.

Доложил о своих сомнениях подполковнику Столярову. Он меня внимательно выслушал, подтвердил, что это нехорошо, но, тем не менее, оставил документацию без правок.

Объяснил мне это он так:

– «Часовой в соответствии с этим положением применяет оружие без предупреждения по нарушителю. Остальным там нечего делать».

Я попытался возразить:

– «Мало ли чего... Кочегары угорят в котельной и попрутся..., это же рядом с границей поста..., менее 10 метров!».

Начальник штаба задумался, а потом изрёк:

– «Ну, ты Рыжик нагнетаешь обстановку.... Следи лучше за тем, чтобы был порядок в дивизионе, и чтобы не ходили там, где не положено.

А по «своим» часовой, если он не дурак, оружие применит с предупреждением, следовательно, он сделает окрик, затем предупредительный выстрел. Никуда твои кочегары после этого не полезут – испугаются!».

Ошибся подполковник Столяров, и эта ошибка стоила жизни кочегару и пять лет тюрьмы часовому...

Убийство

В этот злополучный день меня вызвали на подведение итогов в бригаду.

Я попытался отпроситься у комбрига, сославшись на боевое дежурство и нехватку расчёта дежурной смены, куда входил и я. Мне категорически было отказано – подведение итогов в бригаде проводилось за месяц и моё присутствие обязательно.

Рано утром я прибыл в дивизион, провёл «развод» личного состава по местам работ и занятий, затем на УАЗ-469 выехал в Питино – где находился штаб бригады.

Итоги были «как всегда» – из них следовало, что все выполняли свои служебные обязанности очень плохо, и, судя по докладу начальника политотдела полковника Абдурагимова «Наша Социалистическая Родина из-за этого опять находилась в серьёзной опасности». Ничего нового.

После подведения я сделал коё-какие дела и уже собирался выезжать обратно в дивизион как меня срочно вызвал комбриг – полковник Денисов.

Я прибыл к нему в кабинет. Там находился начальник политотдела и заместитель командира бригады подполковник Хозяинов.

Комбриг сообщил:

– «У тебя в дивизионе чрезвычайное происшествие – часовой стрелял в солдата. Что произошло, твои балбесы толком не доложили.

Вроде тот, в кого стреляли, ещё жив, и его транспортируют в Череповец на операцию.

Срочно выезжай в дивизион. С тобой поедут подполковник Хозяинов и полковник Абдурагимов».

Мы немедленно выехали в дивизион. Всю дорогу начальник политотдела причитал:

– «Ну, как это произошло? Как он мог стрелять?...

Зачем ты поехал на совещание и бросил дивизион?

Хоть бы солдат живой остался...».

И, обращаясь к Хозяинову:

– «Виталий Николаевич! Надо было с собой начальника штаба взять – это его участок....

Много нареканий на этого коммуниста... Нам тоже башку оторвут, если узнают, что в дежурном дивизионе всего пять офицеров.

Сейчас комиссии округа и корпуса «пачками» будут приезжать в бригаду и к Рыжику».

Хозяинов его успокоил, сказав, что дал команду, и в дивизион выехала группа офицеров с соседнего подразделения для усиления состава боевого расчёта.

Мы загрузились на паром, и он вскоре отошёл.

Я заметил: паром с противоположного берега реки двигался необычно близко, приближаясь к нашему.

Когда судна сблизились на минимальное расстояние, то мы увидели грузовую машину моего дивизиона, в открытом кузове которого (в белом халате) стояла и махала руками фельдшер.

Она кричала мне:

– «Ранили рядового Ишкова. Пулевое ранение в грудь, в область сердца».

Я прокричал ей вопрос:

– «Он жив? Как состояние?».

Она ответила, что не может понять: он в коме или уже умер. Фельдшер кричала что-то ещё, но уже нельзя было разобрать.

Паромы быстро разошлись, удаляясь друг от друга на безопасное расстояние.

До дивизиона мы ехали молча. Я дико переживал, понимая, что произошло и что за этим последует.

Посмотрел на подполковника Хозяинова и полковника Абдурагимова. Первый был спокоен, а второй сразу как-то посерел и ссутулился.

Начальник политотдела уже не причитал, а глубоко погрузился в свои мысли.

У въездных ворот нас встретил старший лейтенант Салахов – исполняющий обязанности комбата старта.

Утром, уезжая на совещание в бригаду, я его оставил «за командира».

Салахов подал команду: «Смирно» и представился.

Абдурагимов в сердцах вскипел:

– «В дежурном дивизионе одни лейтенанты! Идиоты! Безответственные сволочи! Дежурный дивизион один из первых со спецракетами, а мы оставили в нём всего пятерых лейтенантов! И я тоже „хорош“ – полгода в дивизионе нет замполита! Оторвут нам башку... Точно оторвут! Но до этого момента кое-кто из руководства бригады „положит на стол“ свой партийный билет – получит выговор по партийной линии!».

Эти слова он произнёс с болью и горечью в голосе, видно было – сам здорово переживает.

После выплеска эмоций Абдурагимовым, мы пошли на пост, где случилось ЧП.

По дороге Салахов рассказал, что произошло.

В первой половине дня на посту №7а часовым стоял рядовой Поздеев. Он перемещался между рядов колючей проволоки, в соответствии с тем как предписывалось в таблице поста.

Когда Поздеев приблизился к угольному складу котельной спецсооружения, то его окликнул кочегар рядовой Ишков – он его что-то спросил.

Часовому разговаривать не положено.

Поздеев не ответил, а кочегара это разозлило:

– «Ты что из себя строишь? Видишь, никого из посторонних нет, чего молчишь?».

Часовой молча продолжал движение, тогда Ишков кинул куском угля ему в спину (судебная экспертиза подтвердила это, найдя на плащ-накидке часового следы удара угля).

Поздеев остановился, повернулся к Ишкову лицом и молча, сняв карабин с плеча, взял его в положение «наперевес».

Тут Ишкова «понесло»:

– «Никак мне угрожаешь? Подожди, разберёмся...» – он подошел к ограждению поста. Теперь он находился вплотную с первым рядом колючей проволоки.

Наклонился и, подняв ряд проволоки, попытался пролезть на пост.

Когда Ишков просунул сквозь ограждение голову и половину туловища, то Поздеев, в соответствии с положениями устава, стал «действовать штыком и прикладом» – нанеся ему несколько неглубоких уколов в тело.

Ишков выскочил обратно и рассвирепел:

– «Я сейчас тебя угроблю скотина...» – он, взяв как копьё большую сапёрную, штыковую лопату, которой откалывал уголь.

Поздеев загнал патрон в патронник и перевёл карабин в готовность к стрельбе...

Ишков продолжал агрессивные действия:

– «Ах, ты так... Ты чего – стрельнёшь? Да я, тебя, козла...» – он размахнулся, метнул лопату в часового.

Поздеев повернул корпус влево – лопата ударила его в плечо (это тоже установила судебная экспертиза), развернувшись обратно, он произвел выстрел...

Ишков «кулем» упал рядом с ограждением – находясь в зоне применения часовым оружия без предупреждения.

Пуля вошла ему в грудную клетку (задела сердце – как мы узнали потом), и вышла в области копчика, повредив позвоночник.

Салахов рассказывая, доложил, что он долго делал Ишкову искусственное дыхание – не помогло.

На последние слова уже никто не обратил внимания – мы пришли на пост.

Возле колючей проволоки, со стороны кочегарки, лужа крови и кровавые тампоны.

За ограждением часовой... Поздеев!

С карабином на перевес – шел пятый час его пребывания на посту!

Я спросил у Салахова, почему его не сменили сразу же после происшествия, тот ответил, что «закрутились» было не до того.

Наш разговор услышал полковник Абдурагимов и заговорил шепотом – вооруженный Поздеев стоял в пяти метрах от нас:

– «Рыжик! Что? На посту стоит тот, кто стрелял? С тех пор? Немедленно разоружи его! Только осторожно, не то он ещё кого-нибудь... Или от переживаний себя...».

Я с начальником караула и сменой прошёл на пост. Подошел к Поздееву. Он был спокоен, только смотрел куда-то мимо меня. Передо мной он принял строевую стойку, поставил карабин в положение «к ноге».

– «Главное успокойся» – сказал я ему.

– «Ишков негодяй. Разберёмся. Всё будет нормально.

А сейчас сдай мне оружие и иди, отдыхать в казарму».

Поздеев ни слова не сказав, отдал мне карабин. Начальник караула выставил на пост другого часового.

Последствия ЧП

Надо отдать должное полковнику Абдурагимову – он начал серьёзно и въедливо разбираться в причинах произошедшего убийства.

(Из бригады сообщили, что рядового Ишкова привезли в больницу уже мёртвым).

Начал начальник политотдела с опроса знания своих обязанностей личным составом караула. Они отвечали хорошо – для меня это небыло неожиданностью.

Я систематически проверял караульную службу, и к своему удовлетворению отмечал, что обязанности солдаты знают.

Не сразу, но полковник Абдурагимов «нащупал» слабое место – рядовой Поздеев действовал в соответствии с разработанными штабом бригады «Особыми обязанностями часового по охране специального сооружения».

Через пару часов он побеседовал с Поздеевым.

На вопросы по правам и обязанностям часового, по табелю поста и по уставу караульной службы тот ответил блестяще.

На просьбу рассказать, что произошло на посту – Поздеев не промолвил ни слова. Молчал глядя в никуда....

Поздно вечером Абдурагимов и замкомбрига убыли из дивизиона, а я собрал офицеров в штабе.

Хотелось проанализировать ситуацию, в которой мы оказались, и продумать дальнейшие действия.

Офицеры сидели, понуриив головы.

Салахов отвечая на мои вопросы, повторял и повторял свой рассказ.

Каждый раз, долго «мусолил» фрагмент происшествия, когда он делал Ишкову искусственное дыхание, пытаясь того спасти.

Я попросил его на этом не заикливаться, но эмоции были сильны, и когда в очередном рассказе он опять с жаром стал описывать «этап спасения», я его остановил:

– «Салахов, я не хотел Вас расстраивать, но судебно-медицинская экспертиза установила: Ишков умер от удушья. Вы что-то не так делали, да и вообще – кто Вам сказал, что при таких ранениях делается искусственное дыхание?».

Салахов побледнел, замолчал, а когда ему вернулся дар речи, он произнёс:

– «Я так и знал, что меня сделают виноватым...».

На следующий день, рано утром в дивизион приехал начальник штаба бригады подполковник Столяров. Красивый слаженный, всегда уверенный в себе в этот визит он был чернее тучи.

Не сказав ни слова – прошёл в караульное помещение и заменил «Табель поста» и «Особые обязанности часового по охране специального сооружения», на «вновь разработанные». Это был порядочный офицер и ему было крайне неудобно это делать при мне. Очевидно поэтому он произнёс: «Те были сделаны неправильно. Об этом доложено. С нами, кому положено, разберутся».

Оказывается, по приезду в бригаду, Абдурагимов доложил комбригу о результатах своей работы и тот дал команду немедленно привести документы в соответствии с уставом, не придумывая новые особенности применения оружия.

Как мне передали комбриг сказал: «Срочно выполнить и доложить, пока у кочегарки не перестреляли весь дивизион!».

Всю ночь штаб перерабатывал документы, устраняя ошибки.

Часовой, в соответствии с вновь разработанным положением, при подходе нарушителя к границе поста применял оружие с предупреждением, и обязан был делать вверх контрольный выстрел!

Столяров как приехал, так и уехал – проронив только одну фразу. Он осознавал ошибку штаба и то, к чему она привела.

К Поздееву я «приставил» двух солдат и приказал его ни на секунду не оставлять одного – он был в коматозном состоянии.

Приехал следователь прокуратуры. По его команде я поставил людей на поиск пули, которая по расчётам должна была влететь в угольный склад. Десять человек вместо подготовки к караульной службе и отдыха перед заступлением в наряд (солдат катастрофически не хватало) колупали и просеивали уголь. Пулю нашли через неделю – она «прошла» большую толщу угля.

Поздеева забрали спустя сутки после ЧП – приехала прокуратура на спецмашине, переодели в черную робу и увезли.

Комиссии приезжали одна за другой. Из прокуратуры, корпуса, бригады. Опрашивали солдат по произошедшему происшествию, проверяли знания устава и обязанностей часового.

Комиссии из политработников проверяли, были ли неуставные взаимоотношения, связанные с разностью сроков службы Ишкова и Поздеева.

Благоприятным было то, что они были одного призыва и «дедовщина» как версия не состоялась.

Так же не было между ними ссоры и ненормальных отношений до ЧП.

Причиной убийства была признана «стычка на посту».

Приказали написать служебные характеристики на Ишкова и Поздеева.

Первый был крайне отрицательным героем, поэтому служил, работая кочегаром. Больше он не на что не годился. Служебную характеристику ему написали крайне плохую, в отличие от Поздеева – отличника боевой и политической подготовки.

Поздееву нами была дана такая служебная характеристика, которая пишется при представлении на орден. Аналогичную характеристику «дала» комсомольская организация. Мы не боялись «не угодить» начальству. В дивизионе делалось всё возможное, чтобы спасти Поздеева.

Работали в условиях постоянных комиссий мы целый месяц. Конечно, не только солдаты, но и я был измотан.

Как-то раз после службы я пришёл домой, сел на крыльцо и впервые пожаловался Анне: – «Вот так „вкальываешь“ на майорской должности исполняя подполковничью будучи старшим лейтенантом и не получишь капитана!».

Этот каламбур родился не случайно. Дело в том, что у меня вышел срок службы (три года) до воинского звания «капитан». Должность у меня была майорская, то есть был запас – ещё три года и можно было стать майором.

Звание присваивалось согласно занимаемой должности, по прохождению определённого срока.

Мне отправили представление на «капитана» за неделю до ЧП.

Во время событий, связанных с убийством было не до мыслей «о себе». Теперь, когда последствия произошедшего шли на убыль – я задумался: что будет со мной и с моей карьерой. Я был уверен в том, что почти не виноват в произошедшем, основная причина трагедии была порождена в управлении бригады. Они это признали, но я так же понимал: «виноватого» с успехом можно найти среди невиновных.

Это в армии случалось достаточно часто, не зря Салахов испугался моей злой шутке, что именно он задушил Ишкова. ЧП могло вывернуться непредсказуемыми последствиями для кого угодно.

Свежо было в памяти, как переделывали документы караула – спасая честь штаба бригады (позже я узнал что был неправ: о ситуации замены табеля постами было доложено по инстанциям, Столярова с должности сняли).

Я уже не мечтал о повышении в должности – стать командиром дивизиона было нереально.

Хотя бы «капитана» присвоили!

Чего тут лукавить? Конечно стать капитаном хотелось и не только потому что у него больше всех звёзд, а потому что я как любой нормальный офицер мечтает иметь звание повыше.

Да и звучит то как «КАПИТАН»!

Капитан

Очевидно, Господь меня миловал – в начале июля Приказом Главкома Войск ПВО мне было присвоено воинское звание «капитан». Сбылось!

Тогда мне казалось, что такое «ожидание» получения звания будет самым сложным за всю мою службу – остальные пройдут легче.

Сейчас-то я знаю, что самое тяжёлое ожидание у меня связано получением звания «майор», несмотря на то, что я занимал должность подполковника. Несколько месяцев я ходил капитаном, а командование мне не доводило что я уже полгода как майор. Но об этом позже.

Итак, капитан! В то время это звучало гордо и не только для меня. Появилась уверенность и силы для дальнейшей службы, сказал бы «борьбы за выживание».

Жизнь в дивизионе начала налаживаться.

Был назначен новый замполит, мой ровесник – капитан Кнутовицкий.

Прибыли для прохождения службы три молодых офицера – после окончания училища.

Штат начал заполняться. Вернулся из отпуска майор Музыкин – начальник штаба. Всё становилось на свои места.

Вскоре пришла новость из академии: командир дивизиона поступил в Калининскую академию ПВО.

Все замерли в ожидании – кого пришлют на эту должность? Знали, что после свершившихся событий ждать долго не придётся.

К этому моменту закончилось следствие по делу Поздеева.

Оно «вершилось» очень быстро – следователи работали, не покладая рук.

Вскоре, в клубе бригады, был назначен суд.

Я дал команду: максимальное число солдат вывозить на судебный процесс для поддержки Поздеева.

Адвокат попался (их назначали) грамотный и въедливый.

Защищая, он правильно формулировал положения устава и воинских наставлений, несмотря на то, что был сугубо гражданским человеком.

Основные направления защиты опирались на следующие формулировки устава:

– Часовой лицо неприкосновенное.

– Он обладает особой охраной прав и личного достоинства.

– Оружие применяется без предупреждения в случае явного нападения на часового или охраняемый объект. Так трактует устав.

А теперь что произошло.

– Было оскорбление личного достоинства Поздеева.

– Часовой рядовой Поздеев убил рядового Ишкова, который осуществил явное нападение на часового – кидал углём, бросил в него лопату.

– Ишков пытался проникнуть на пост. Экспертизой зафиксированы на трупе уколы штыком – значит осуществлялось нападение на охраняемый объект.

Вывод, сделанный адвокатом:

«Ишковым было нанесено оскорбление часовому. Затем он совершил явное нападение на часового и охраняемый объект.

Часовой рядовой Поздеев действовал в соответствии с положениями устава, правомерно применил оружие».

Зал аплодисментами встретил речь адвоката.

Основную вину Поздеева сторона обвинения сфокусировала во фразе:

– «Поздеев не имел права убивать Ишкова. В этом просто не было необходимости».

Тогда все были возмущены такой трактовкой дела, и только сейчас, спустя многие годы, я думаю, что очевидно обвинение было во многом право. Каков бы не был Ишков – он человек.

Вызови Поздеев начальника караула нажатием кнопки «нападение на пост» – такая была, и Ишков был бы жив.

Я и офицеры моего дивизиона были молоды, категоричны: есть положения устава, есть служба.

Причём тут жизнь какого-то рядового Ишкова, тем более что он был разгильдяем?

Суд длился трое суток.

Совершенно неожиданным для всех оказался приговор, вынесенный Поздееву – пять лет тюрьмы общего режима. Зал возмутился, но в армии всё решается просто – дали команду: «Встать. Выходи строиться» – и всё стихло.

Я подошел к адвокату, поговорил с ним.

Спросил, повлияло ли то, что была сменена документация караула, будет ли подана апелляция.

Адвокат сказал, что смена документации не выгородила командование бригады и на приговор Поздееву особо не повлияла.

А ещё адвокат меня заверил – апелляция, конечно, будет подана, более того, он уверен в том, что Поздеев при пересмотре дела получит два-три года. Отбудет срок не более года. Все отлично понимают ситуацию, но...

Но это потом, а не на показательном суде, целью которого было заставить задуматься командиров и солдат в необходимости и правомочности применения оружия. Чтобы уменьшилось количество расстрелов солдатами своих товарищей – их в армии было не слишком, но много.

Рассадив личный состав дивизиона, бывший на суде по машинам, я собрался дать команду на начало движения, как прибежал нарочный:

«Товарищ капитан! Вас срочно вызывает командир бригады!». Не ожидая ничего хорошего от вызова и сожалея, что не успел своевременно «смыться» я пошел в кабинет к комбригу.

Комбриг был не один – опять с начальником политотдела

«Сейчас начнётся» – подумал я.

Комбриг произнёс:

– «Товарищ Рыжик! Я представил документы на утверждение Вас в должности командира зенитно-ракетного дивизиона 79-й гвардейской бригады.

Через трое суток Вы должны быть на беседе в отделе кадров корпуса, в Ярославле.

После этого будет заседание руководства корпуса по вопросу утверждения в должности. Так называемая аттестационная комиссия.

Проводит её лично командир корпуса генерал Акчурин. Он суров до жестокости.

Мы же выдвигаем Вас после произошедшего ЧП.

В такой ситуации Вам будет очень сложно пройти аттестационную комиссию – надо очень тщательно подготовиться к тяжёлому разговору с Комкором, изучить служебные обязанности командира дивизиона, повторить устав.

С тактической подготовкой, разведывательной и правилами стрельбы ЗРК С-75 мне мои замы докладывают, что у Вас всё хорошо, и я не беспокоюсь. Думаю, понимаете свою ответственность за результат аттестационной комиссии».

Комбрига дополнил начальник политотдела:

– «Рыжик! Ситуация хуже некуда! За то, что произошло в дивизионе – тебя надо снимать с должности, а руководство бригады (в том числе и я) тебя выдвигает на повышение. У нас, в бригаде, просто лучше тебя нет кандидатуры! Нет специалистов ЗРК С-75. Ты не «подарок»,

но у тебя отличная подготовка и опыт работы. Ты толково прошел чрезвычайную ситуацию, связанную с убийством, неплохо выстоял все комиссии. Короче – «За одного битого...» Знаешь?

Тогда иди и не обосрись на аттестационной комиссии, а то Акчурин с нас самих шкуру спустит. Не приведи Господь ..., тьфу, я же начальник политотдела, если ты не выдержишь с ним беседы».

От комбрига я вышел в состоянии прострации – совершенно не ожидая такого разворота событий, был к ним не готов.

Медленно приходя в себя, начинал волноваться встречи с Комкором, хотя понимал, что рано.

О командире корпуса генерале Акчурине ходили слухи, которые не позволяли быть уверенным в хорошем исходе предприятия: крутой, требовательный, бескомпромиссный с подчиненными.

Об аттестационных комиссиях в корпусе я тоже был наслышан. Знал: на беседу по замещению вакантной должности прибывают по два-три кандидата, а кто не проходит аттестационную комиссию – повторно не выдвигается на повышение в течение последующих двух лет.

Я зажал надежды, мечты, грёзы и эмоции от беседы с комбригом в кулак и поехал готовиться к аттестационной комиссии.

У меня было всего три дня...

Была ещё уйма времени – у меня было трое суток!

Часть 2

*Не место тем за трапезой кто сыт,
Тем на балу, кто плачет и скорбит,
Тем на войне, кто держится трусливо,
При штабе тем, кто говорит правдиво.*

Третий корпус ПВО

Очень хорошо помню свои мысли, и состояние души, когда я совершал путь (уже на УАЗ -469! из дивизиона под Череповцом до вокзала) на аттестационную комиссию в Ярославский корпус ПВО. Надеялся, что по этой дороге обратно поеду командиром дивизиона – тогда пять лет проведенные в лесах возле деревни (в четыре дома) под названием «Жары» не зря.

Очень хотелось, чтобы сбылся мой девиз:

– «Если служить в дивизионе, то только командиром!»

Это были мечты, а суровая реальность была впереди. Я себя готовил к разговору на комиссии, мысленно повторяя возможные вопросы беседы.

В Ярославль поезд приходил в пять утра. Проводник поднял всех пассажиров за час до прибытия, не дав поспать. По приезду, отсидев два часа на вокзале, я стал добираться в управление 3-го корпуса ПВО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.